

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ЛАПТЕВА О. А.

ТИПОЛОГИЯ ВАРИАТИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ РЯДОВ
В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. В современном русском литературном языке существует три рода языковых средств — книжно-письменные, устно-разговорные и общелитературные. Они по-разному участвуют в формировании и функционировании разновидностей литературного языка. Наблюдаются известные ограничения, которым подвергается реальное употребление средства в функциональной разновидности, и эти ограничения для каждой разновидности требуют специального исследования. Разными комбинациями этих средств создается языковой облик функциональной разновидности. Участвуя в выражении одного и того же смысла, эти средства в составе разных функциональных разновидностей вступают между собой в определенные соотношения. Образуются вариативные ряды соотносительных средств. Этими рядами охватываются не все средства, но лишь некоторые из них. Моделировать типы лексических и синтаксических рядов — значит найти параметры функционирования лексической и синтаксической систем современного русского литературного языка. Установить наполнение рядов — значит постичь речевую реализацию этих систем. Не приходится специально обосновывать значимость того и другого для теории литературного языка и практики овладения им.

Почему рядами охватываются не все средства? В идеале ряд мог бы в своем устройстве следовать за изменяемостью факторов ситуации протекания и формы речи на фоне неизменности фактора темы. Действительно, если надо одно и то же содержание передать по-разному в устной или письменной форме, в публичной или непубличной обстановке общения при наличии той или иной ранжировки отношений между говорящими, то из пары взаимосоотнесенных средств устно-разговорного и книжно-письменного характера пользующийся языком может сделать необходимый выбор. Выбор может делаться свободно, исходя из установок речевого акта, а может быть автоматизированным и в таком случае диктоваться узусом. Именно в узусе устанавливается предпочтение одного варианта другому.

Однако это оказывается возможным далеко не всегда. На деле не каждое средство языка способно входить в соотносительный ряд. Это происходит по трем причинам. Во-первых, вся сумма смыслов (содержаний), подлежащих выражению языковыми средствами, может быть передана лишь суммой функциональных разновидностей литературного языка, но не каждой из них самой по себе. В отдельной функциональной разновидности может быть выражено далеко не каждое содержание. Наблюдается закрепленность тематических циклов за определенными функциональными разновидностями. Соответственно распределяются и языковые средства. Поскольку данный тематический цикл может оказаться совсем не свойственным другой функциональной разновидности, в ней может не найтись средства для обозначения относящегося к нему смысла. Вот что пишет Ю. Гладильщиков: «Но, может быть, у „Километров риска“ была чисто практическая цель — предостеречь водителей, выявив причины дорожно-транспортных происшествий (да простят мне казенный язык, но как об этом сказать иначе?): невнимательность за рулем, превышение скорости, неисправность тормозов и пр.» (Лит. газ., 1982, 2 февр.). Здесь в нейтральном рассуждении для обозначения соответствующей темы использована терминологическая номинация «специального» (по Д. Н. Шмеле-

ву) языка, и автор не видит возможности перевода, т. е. нахождения другого члена виртуального ряда. При этом в разных функциональных разновидностях роль фактора отнесенности к тому или иному тематическому циклу различна. Для научной речи она определяющая, потому что это речь исключительно на темы науки, и здесь фактор темы выступает как в высокой степени гомогенный. Для разговорной речи она мало действительна, потому что это речь в принципе на любые темы с привлечением тех средств, которые наиболее однозначно связаны с обозначением этих тем. Если же это номинация сугубо обиходно-разговорного денотата, то для него, как правило, находится соответствующее общелитературное обозначение, в то время как для научной такого соответствия может не найтись, поскольку она генетически и складывалась на общелитературной основе.

Что касается целеустановочных функций, выполняемых функциональными разновидностями, то они не находятся в отношениях взаимоисключения и могут перекрещиваться по разновидностям [так, функция воздействия свойственна как устным разновидностям литературного языка, так и письменной публицистической разновидности, функция сообщения (информативная) свойственна по сути всем разновидностям, функция общения — и обиходно-бытовой, и публичной устным разновидностям, эстетическая функция — в большей мере художественной разновидности, в меньшей — разговорно-бытовой и публичной]. Это затрудняет или делает вовсе невозможным закрепление выражающих их языковых средств за определенными разновидностями и соответственно организацию рядов.

Во-вторых, общелитературные средства, как правило, передают неварьирующееся содержание. Вот почему не каждое, а только нейтральное к функциональному размежеванию литературного языка содержание может быть выражено соотносительными конструкциями. Взаимоисключающие друг друга темы обычно имеют для своего выражения неварьирующиеся средства. Поэтому особенно редки пары, состоящие из противоположных специфических средств — книжно-письменного и устно-разговорного. Нельзя перевести книжно-письменным средством устно-разговорное — *Он спал ты пришел?* или — *А где авоська здесь лежала?*, равно как нельзя перевести устно-разговорными средствами такую фразу: «Установленный план производства и поставки пальцев режущих аппаратов в запасные части на 9 месяцев 1982 года в объеме 2,8 миллиона штук выполнен» (Крокодил, 1983, № 5).

В-третьих, соотносительность средств и их вариативность осложняются разной представленностью и разным характером употребления средств в разных функциональных разновидностях. Так, по наблюдениям Н. С. Ляпидевской, при сравнении разных способов выражения отношений причинности, необходимого основания, целевых и некоторых других в научной и публицистической разновидностях письменной-литературного типа языка наблюдаются не однохарактерные, но разнохарактерные варианты — в научной по преимуществу структурные, в публицистической — экспрессивные. Кроме того, в центре представленных в научной разновидности вариантов обычно находится некоторая ведущая, наиболее частотная конструкция, а в публицистической — нет, причем и сами варианты в публицистической разновидности не дают показательной картины по структурам. Иногда специфику в функциональной разновидности обнаруживают только структуры какого-либо одного значения, а смежного с ним — нет (так, не обнаруживают специфики собственно целевые предложения, а предложения необходимого основания обнаруживают) [1].

Таковы ограничения на вхождение языкового средства в функциональную разновидность со стороны экстралингвистических факторов и самой разновидности. Если же рассмотреть имеющиеся ограничения со стороны самих рассматриваемых нами разрядов средств и их зависимости от действия экстралингвистических факторов, то можно суммировать эти ограничения следующим образом.

Их совсем не обнаруживают общелитературные языковые средства, нейтральные по отношению к функциональной дифференциации употребления. Такова нейтральная, общелитературная лексика, морфологические

средства языка, большинство синтаксических способов построения словосочетаний и структурных схем предложений. Это — единая основа литературного языка, фундамент для накладывающейся на нее функциональной дифференциации.

Те же общелитературные средства, но прошедшие определенный отбор, организацию и закрепление в функциональной разновидности со стороны своей номенклатуры, системы форм или значений и ставшие языковой приметой функциональной разновидности, такую зависимость обнаруживают. Эти процессы происходят под влиянием действия экстралингвистических факторов.

Книжно-письменные и устно-разговорные средства не подвергаются ограничениям в употреблении в первичных областях своего возникновения и функционирования — первые в «специальных» типах речи, вторые в устно-разговорной разновидности. Ср. всегда возможное в любом «стиле» «специального» типа речи употребление таких слов, как *существенный* («что нанесло *существенный* ущерб государственным интересам» в приговоре суда, Лит. газ., 1983, 23 февр.), *фактически* при общелитературном *большой, по сути, ибо, по причине* при общелитературном *потому что, из-за*, падежные цепочки с отглагольными существительными типа *об ограничении накоплений стратегических вооружений* (ЦТ, программа «Время»), *с целью создания видимого благополучия с выполнением планов* (Лит. газ., 1983, 23 февр.). С другой стороны, ср. всегда возможное в устно-литературной речи употребление глагольной, предикативной конструкции в функции именной номинации (вот характерный диалог, где употребление такой конструкции остается совсем незаметным для языкового сознания: — *Кто шарики купил?* — *Бабушка.* — *Зачем?* — *Давай оставим их, если и будет у вас еще праздник*, где выделенная часть соответствует общелитературному *на следующий*) или ситуативно обусловленного эллипсиса (еще один характерный обмен репликами между незнакомыми людьми в транспорте: — *Нет, у меня на 10 минут вперед.* — *Я и смотрю*, где первая реплика прозвучала в ответ на взгляд автора второй реплики на часы автора первой. Эти же два диалога могут служить примером употребления в устно-литературной речи общелитературных средств, допуск которых в книжно-письменный тип ограничен).

Книжно-письменные и устно-разговорные средства подвергаются ограничениям в употреблении в других областях — не первичных для их функционирования и гибридных, пограничных. Приведем пример явной неадекватности языковому сознанию и неполного овладения нормами устно-разговорной речи, когда молодой отец, делая внушение крошечному сыну, старается сделать свою речь соответствующей образцам «специального» типа литературного языка и говорит так: «Шанс быть наказанным у тебя резко возрастает. Наше с мамой терпение истощается». Но завершает общелитературными средствами: «Совсем большой парень, а так себя ведешь». Или такая реплика в бытовой речи: — *А. Ф. пользуется тем стаканом?*, адекватная общелитературному — *А. Ф. пьет из того стакана?*, и другие разные случаи неправомерного в функциональном отношении употребления в устно-разговорной речи книжно-письменных средств, которые только, пожалуй, и можно называть иностилевыми вкраплениями, вроде *интересно в том отношении, что...* на месте общелитературного *интересно тем, что..., не только ..., но и* на месте общелитературного (или разговорного?) *не только не..., но даже и не...* Эта функциональная неправомерность («нецелесообразность», по Г. В. Костомарову) ощущается потому, что на употребление книжно-письменных средств в устно-разговорной речи существует ограничение: такое употребление должно быть оправдано тематически (а также большей степенью серьезности отношения к этой теме со стороны говорящего, добавляет О. Б. Сиротинина). В качестве примера ограничений в использовании устно-разговорных типизированных предикативных построений в других сферах можно сослаться на большую неравномерность их привлечения в художественный текст, куда многим из них доступ закрыт.

Такова функциональная типология употребления этих разрядов средств. Ясно, что для идентификации функциональной разновидности одинаково важны все названные возможности, а не только использование общелитературных средств. Умалить значение специфических — значит уменьшить число функциональных разновидностей; например, появляется возможность выделения научно-популярного стиля, как это делают некоторые авторы не столько по языковым, сколько по внеязыковым основаниям.

Итак, книжно-письменные и устно-разговорные средства могут быть специфическими в собственном смысле слова для книжно-письменных разновидностей и для устно-разговорной разновидности, а могут употребляться с разным коэффициентом допуска в других разновидностях. Общелитературные в принципе могут использоваться в любой разновидности, но нередко наблюдается также разный коэффициент допуска, проявляющийся в наличии разных структурных вариантов, разной номенклатуры средств и разного набора их значений. В последнем случае они могут послужить базой образования специфических средств за счет частотности варианта или его значения (ср. многие особенности грамматики научной речи или конструкции с постпозицией союзного слова, чаще всего *когда* и *который*, в придаточном предложении в устно-разговорной речи).

Специфические средства представлены в разновидностях литературного языка неодинаково. Будучи по своей природе книжно-письменными и устно-разговорными, они именно в центрах сгущения этих качеств — в письменной научной и деловой речи, с одной стороны, и в устной разговорно-обиходной, с другой, которые противопоставлены друг другу по максимальному количеству показателей, и представлены максимально и неограниченно. А вот в художественной речи специфических средств почти нет, а те, которые можно было бы признать специфическими, складываются на базе отбора общелитературных. Таковы «поэтические» слова и фигуры речи. То же можно сказать о речи публицистики. Здесь складываются свои частотные штампы — на базе общелитературных средств. Типичный газетный заголовок вроде *Быть району образцовым* невозможен в научной или деловой речи, так же как и сама инфинитивная конструкция. Происходит отбор и закрепление общелитературного средства, который может привести даже к противопоставленности средств по линии «книжно-письменное — устно-разговорное» точно так же, как это происходит со средствами, по происхождению относящимися к центру этих областей. Общелитературные по происхождению *в принципе* и *по идее* оказались противопоставленными по этой линии (первое — книжно-письменное, второе — устно-разговорное).

Разная маркированность и поведение общелитературных средств в функциональных разновидностях наряду со специфическими средствами увеличивает возможности синонимических отношений и замен. Это происходит потому, что именно они несут в себе смыслы языка. В. Г. Костомаров пишет: «... в составе литературного языка нормализуются ряды синонимичных, параллельных, соотносительных средств выражения, отдельные члены которых окрашены стилистически (экспрессивными, социальными, возрастными и т. д.) наслоениями или стилевой маркированностью, закрепленностью за сферами употребления (научной, официально-деловой и другими функционально-стилевыми разновидностями), а иногда и просто составляют нейтрально-однозначные варианты. Таким образом, возможность выбора, необходимая ... для воплощения различных композиций и ориентаций речевой типологии и функциональной стилистики, представляется самой нормой, в пределах языковой [правильности, — в виде синонимии, в виде линейной или системной стилистики, в виде „стилей языка“] [2]¹. Синонимия может осуществляться только при условии передачи общего значения разными средствами. На фоне сказанного выше о функционировании разных смыслов в разных функциональных раз-

¹ Далее В. Г. Костомаров высказал мысль о том, что норма сковывает возможности выбора. Здесь мы вопросов нормы не касаемся. См. об этом [3].

новидностях и о разной степени участия разных типов средств в передаче одного и того же смысла становится ясно, что роль этих типов в формировании синонимических отношений в языке в его функциональной дифференциации неодинакова.

Специфические средства в случае одно-однозначных отношений с уникальным для данной функциональной сферы смыслом не дают синонимии. Если же этот смысл не уникален или отношения не однозначны, то синонимия возникает. Она может возникать как в пределах своей функциональной разновидности, так и за ее пределами. В первом случае синонимом может стать как другое, но тоже специфическое средство, так и общелитературное, употребляемое в данной разновидности. Возникает гомофункциональный ряд. Во втором случае синонимом становится общелитературное или специфическое средство, употребляемое за пределами данной разновидности. Возникает гетерофункциональный ряд². Вот как соотносятся специфические средства в пределах одной разновидности: «... с о о б щ а ю т , ч т о п о с л е т я ж е л о й и п р о д о л ж и т е л ь н о й б о л е з н и ...» ~ «... и з в е щ а ю т о с м е р т и п о с л е т я ж е л о й и п р о д о л ж и т е л ь н о й б о л е з н и» (извещение о смерти в одной и той же газете. — Веч. Москва, 1977, 29 апр.) — здесь глагольный способ выражения соотносится с именным. А вот как соотносится общелитературное средство со специфическим в пределах одной и той же разновидности: «Н а п и ш и т е , п о ж а л у й с т а , с в о е и м я и о т ч е с т в о» ~ «У к а ж и т е , п о ж а л у й с т а , с в о е и м я и о т ч е с т в о» (варианты из делового письма). Это гомофункциональные ряды. А вот гетерофункциональные: *При посещении музея мною было обнаружено наличие низкой температуры* (книжно-письменный вариант) ~ *Когда я была в музее, там было холодно* (общелитературный вариант) ~ *Я была в музее, там было холодно* (устно-разговорный вариант) ~ *Я была в музее было холодно* (устно-разговорный вариант). Ср. лексический ряд типа *морозильная установка — морозильник — морозилка* (книжно-письменный, общелитературный и устно-разговорный варианты). Можно найти любопытное соседство его членов в пределах одной газетной заметки: «Двухэтажный х о л о д и л ь н и к . В о з л е н е г о о с т а н а в л и в а ю т с я в у д и в л е н и и : н а д о б ы ч н о й д в е р ц е й у э т о г о х о л о д и л ь н и к а е с т ь е щ е о д н а , п о м е н ь ш е . П о т я н и т е е е н а с е б я — и о т к р о е т с я д о с т у п в м о р о з и л ь н о е о т д е л е н и е , х о т я о с т а л ь н а я ч а с т ь п о - п р е ж н е м у о с т а н е т с я з а к р ы т о й . Н о в ы й х о л о д и л ь н и к о т л и ч а е т с я б о л ь ш о й в м е с т и т е л ь н о с т ь ю : о б ь е м н и ж н е г о ш к а ф а — 180 л и т р о в , „м о р о з и л к и “ — 45» (Веч. Москва, 1972, 22 авг.). Синонимия общелитературных средств создается в случае полного семантического тождества вариантов, в случае наличия структурно-семантических вариантов и за счет разной представленности средства в разных функциональных разновидностях.

Мы рассмотрели условия формирования соотносительных рядов, ограничения, идущие от экстралингвистических факторов, особенностей самих средств и их функционирования в разновидностях литературного языка, типологию этих средств с точки зрения возможностей их соотносительности и, наконец, факторы, способствующие усилению соотносительности. Наряду с ограничением возможностей соотносительности существует и их усиление. Это диалектическое единство противоположных факторов. Теперь рассмотрим типологию рядов.

II. В межфункциональном варьировании языковых средств особая роль принадлежит синтаксису. Вариативные системные ряды средств наблюдаются и в области фонетики (ср. существование разных типов произношения и в связи с этим наличие разных типов соотносительных между собой произносительных средств, охватывающих разные произносительные особенности вплоть до способов реализации фонем), и в области лексики (хотя здесь межфункциональных рядов меньше из-за нечастотности закрепленных лишь за определенной функциональной разновидностью синонимических вариантов; «В последнее время, — пишет Т. Г. Винокур, — все большее число ученых склоняется к признанию синонимии чисто се-

² О гомофункциональных и гетерофункциональных рядах см. [4].

мантическим явлением» [5, с. 160] ³). Однако именно синтаксис дает достаточно обширный материал для установления типологии соотносительных рядов. Возможно, между соотносительными рядами в области фонетики, лексики и синтаксиса наблюдаются отношения изоморфизма. Особая роль синтаксиса в организации рядов объясняется наличием некоторых закономерностей построения высказывания (и, шире, текста) в обеих противоположных сферах литературного языка — устно-разговорной и книжно-письменной: каждой из них свойственны свои такие закономерности, принципиально отличающие ее от той, с которой она находится в оппозиции. Общие закономерности синтаксической организации того и другого типов литературной речи описаны; для устно-разговорной речи это сегментация речевого потока [6] и возникающая на ее основе допустимость и нормативность наличия в предложении более чем одного финитного глагола, в связи с чем возникает дублирование синтаксических связей находящегося между глаголами субстантива [7], система типизированных специфических для устно-разговорной речи предикативных построений [8] ⁴, система выражаемых полипредикативными высказываниями отношений [9, с. 248—249 (табл. 4)]; для книжно-письменной это строгое следование сложившимся в ней структурам, отражающим экономно-логизированный способ изложения [10, 11], и наличие некоторой суммы актуальных смыслов [12, с. 6 и др.] (ср. сказанное выше об ограничениях, налагаемых на языковые средства со стороны темы сообщения). Наличие этих общих закономерностей в маргинальных членах синтаксической дихотомии литературного языка и отсутствие их в среднем, нейтральном члене — общелитературном синтаксисе создает благоприятные условия для складывания рядов и обеспечивает особенности их типологии.

Состоя из разрядов средств, зависящих в своем употреблении от экстралингвистических факторов (как это было показано в разделе I этой статьи), соотносительные вариативные ряды также обнаруживают такую зависимость, но по-разному. В употреблении языкового средства проявляется и свобода выбора со стороны говорящего, и речевой автоматизм, и это сказывается на системно-структурной организации ряда. Зависимость от факторов функции, темы, ситуации, формы речи максимальна в гетерофункциональных рядах и минимальна или вовсе отсутствует в гомофункциональных, а также в рядах, состоящих только из общелитературных членов.

Типология рядов может строиться по следующим признакам: 1) по входящим в состав ряда разрядам средств; 2) по участию ряда в функциональной дифференциации литературного языка; 3) по числу членов ряда и по его полноте — неполноте; 4) по характеру соотносительности членов ряда (соответствие, вариативность, синонимичность).

1. По входящим в состав ряда разрядам синтаксических средств выделяются следующие ряды:

1) Синтаксический ряд, образуемый общелитературной и общелитературной конструкциями. Именно этим рядам посвящена основная литература по синтаксическому варьированию [13, здесь же см. литературу; 14—16 и др.]. Существуют разногласия в понимании оснований синонимичности ряда, но материалом служат общелитературные схемы. Например, ряд образует сложное предложение с союзным и бессоюзным типами связи: *Она была на пруду; там все было тихо ~ Она была на пруду, и там все было тихо.*

2) Синтаксический ряд, образуемый книжно-письменной и книжно-письменной или книжно-письменной и общелитературной конструкциями. Сведение этих возможностей в один тип вызвано тем, что на практике отделить книжно-письменную конструкцию от общелитературной не всегда

³ «...в языковом употреблении мы видим очень мало таких (стилистических, по терминологии Т. Г. Винокур.— Л. О.) синонимов» [5, с. 159—160]. Стилистическому узусу и синонимии посвящена III глава этой очень богатой мыслями и наблюдениями книги, так же как и ряд более ранних работ ее автора.

⁴ Другую интерпретацию явления см. [9].

удается с должной отчетливостью, что объясняется особенностями формирования языка русской письменности, в которой находили отражение и общезыковые, и собственно письменные явления. Этот тип рядов описан менее полно, чем первый, в основном в литературе, посвященной тем или иным особенностям синтаксиса научной речи [17, 12 и некот. др.]. Ряд создается соотносительностью способов выражения сказуемого, полупредикативных структур и придаточных предложений, обстоятельственных детерминантов и придаточных предложений, предлогов и союзов. Например: *шуметь ~ производить шум, быть в волнении ~ находиться в волнении, при ~ в то время как, при любой как угодно низкой температуре вещества ~ какая бы ни была низкая температура вещества*.

3) Синтаксический ряд, образуемый устно-разговорной и устно-разговорной конструкциями. Такие ряды еще не выявлены и не описаны. Как правило, это ряды иного рода, чем названные выше, — они не соотносительные, а скорее омонимические [18] и основаны на свойстве устно-разговорного синтаксиса представлять в одной форме диффузное значение, за счет чего происходит совпадение в одной реализации разных модификаций разных моделей (если пользоваться номенклатурой, разработанной автором в книге [8]). Например: — *Я вчера заходила в мастерскую мне надо было пришить задничек у меня лопнул* (бесс. подч. модель А модиф. 2, им. темы модиф. 11 разн. 2); *У меня в верхнем ящике стола лежат открытки красивые я купил* (бесс. подч. модель А модиф. 2, им. темы модиф. 11 разн. 2).

4) Синтаксический ряд, образуемый устно-разговорной и общелитературной конструкциями. Такие ряды отчасти выявлены исследователями разговорного синтаксиса [19, 20]. Они представлены формально различными структурами. Например: — *А где авоська здесь лежала? ~ — А где авоська, которая здесь лежала?* Этот тип рядов особенно актуален для понимания реального функционирования конструкций в устно-разговорной разновидности, где, как правило, возможны оба варианта с узуальным преобладанием одного из них или без такого преобладания. По существу любая специфическая устно-разговорная конструкция имеет общелитературную соотносительную. Это можно сказать о всем корпусе таких конструкций, описанных в [8], а также о всех конситуативных и полипредикативных высказываниях, недавно описанных Е. Н. Ширяевым [9] с новой и весьма интересной точки зрения. Таким образом, в ряд входит и соотношение полного и неполного конструктивно варианта. О существовании таких рядов говорит Д. Н. Шмелев, правда, выводя общелитературный вариант за пределы устно-разговорной разновидности в «другие типы литературной речи...» [21, с. 126].

5) Синтаксический ряд, образуемый устно-разговорной, общелитературной и книжно-письменной конструкциями. Эти ряды еще предстоит описать. Далеко не каждый маргинальный член (устно-разговорный или книжно-письменный) может войти в такой ряд, поскольку на его существование накладывает наиболее заметное, чем в других типах рядов, ограничение фактор темы (содержания). Например: — *А вот эта, которая внизу фотокарточка, ее специально повесили ~ Эту фотокарточку, которая внизу, повесили специально ~ Находящуюся внизу фотокарточку повесили специально*.

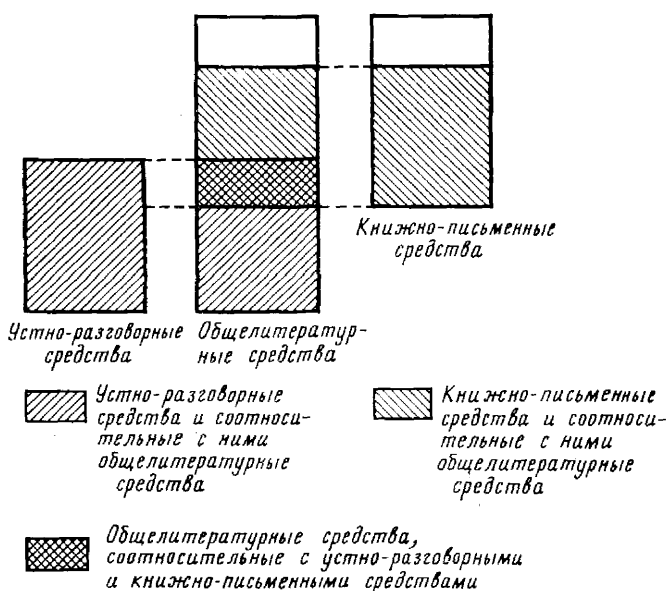
6) Синтаксический ряд, образуемый устно-разговорной и книжно-письменной конструкциями. Таких рядов существует очень немного, их функционирование обычно встречает непреодолимые препятствия со стороны темы (смысла) и ситуации. Тем более интересно выявить имеющиеся случаи, если они есть. Пока такой тип следует считать гипотетическим.

Итак, мы видим, что маркированными членами рядов выступают их маргинальные члены — книжно-письменный (книп) и устно-разговорный (ур). Общелитературный (ол) член ведет себя как немаркированный, нейтральный. Комбинируясь, ряды образуют синтаксическую систему функциональной разновидности. Если при описании такой системы исключить нейтральный член, мы будем иметь дело со специфической частью системы. Если его включить, что более целесообразно, то получится реальная

модель функционирования синтаксической системы в данной разновидности.

Надо сказать, что ряды могут быть и более сложного состава за счет удваивания одного из членов. Вот пример ряда с двумя или даже тремя общелитературными и одним устно-разговорным членом: *Между прочим, в Индии наводнение, от которого погибло 200 человек ~ Между прочим, в Индии наводнение, погибло 200 человек ~ Между прочим, в Индии наводнение, от него погибло 200 человек ~ Между прочим, в Индии наводнение, погибло от которого 200 человек*. Вот еще сложный ряд: *Вот у моей сестры, у нее куры (ур) ~ Вот у моей сестры, у нее куры есть (ур) ~ У моей сестры куры (ол) ~ У моей сестры есть куры (ол) ~ У моей сестры имеются куры (кнп)*. Бывает, что устно-разговорный член ряда омонимичен (по 3-му типу) и потому входит в разные ряды: если рассматривать конструкцию *Я видела там коровы* как конструкцию с именительным темы, 2-я разновидность модификации 12, то соотносительной общелитературной будет конструкция *Я там видела коров*; если же это модель В конструкции бессоюзного подчинения, то соотносительным общелитературным членом явится союзная структура *Я видела, что там коровы* или бессоюзная с маркирующей интонацией *Я видела: там коровы*.

Соотношение трех разрядов средств в синтаксических рядах графически можно изобразить так:

2. По участию ряда в функциональной дифференциации литературного языка и в формировании функциональной разновидности ряды проявляют себя следующим образом.

Ряд 1-го типа нейтрален, безотносителен к функциональной дифференциации. Такие ряды представлены во всем континууме литературного языка, свойственны всем его функциональным разновидностям. Ограничения по типу текстов существуют лишь для тех рядов, в состав которых входят средства, на допуск которых в функциональные разновидности имеются те или иные ограничения (незаштрихованная область на схеме).

Ряды 2—4-го типа организованы функционально маркированным и другим таким же (той же функциональной принадлежности) функционально маркированным членом или же функционально маркированным и нейтральным, немаркированным членом. В обоих случаях это гомофункциональный ряд. Кроме ряда 3-го типа (омонимического) этими рядами охватываются явления, про которые Т. Г. Винокур писала: «... помимо межстилевой синонимии существует обширная область синонимии вну-

тристилевой». Члены ее ряда «...можно квалифицировать как однородные в экспрессивном и функциональном отношениях...» [5, с. 164] ⁵.

Ряд 5-го типа — наиболее богатый соотносительными членами. Сами эти члены представляют собою два функционально маркированных члена разной функциональной принадлежности и один нейтральный, немаркированный член. Это гетерофункциональный ряд. Его маркированные члены вовлекают в отношения соотносительности диаметрально противоположные области литературного языка. Решающие ограничения со стороны фактора темы (и ситуации) делают такие ряды немногочисленными. С точки зрения полноты охвата разрядов средств литературного языка такие ряды можно считать центральными в системе сопоставительных рядов.

Гипотетический ряд 6-го типа организован функционально маркированным и другим функционально маркированным (другой функциональной принадлежности) членом, т. е. функционально разно маркированными членами. Эти ряды интересны контрастностью отношений членов. Они гетерофункциональны.

Естественно, за пределами рядов, вне действия принципа соотносительности, оказывается большая масса средств литературного языка. Это общелитературные и книжно-письменные средства, на нашей схеме они не заштрихованы.

3. По числу членов ряда и по его полноте — неполноте, а также по участию разрядов средств в формировании двух бинарно соотносенных типов рядов — гомофункциональных и гетерофункциональных ряды устроены так.

Ряды 1—4-й и 6-й бинарны, двучленны. Ряд 5-й трехчленен. С этой точки зрения их можно соотнести как неполные — полный. Однако вне такого соотнесения двухчленные ряды можно рассматривать как самодостаточные, полные.

В гомофункциональных рядах взаимодействуют специфическое средство со специфическим того же разряда (ряды 2-й, 3-й) или специфическое средство с общелитературным (ряды 2-й, 4-й). В гетерофункциональных рядах взаимодействуют специфическое средство со специфическим другого разряда (ряд 6-й) или специфическое со специфическим другого разряда при посредстве общелитературного (ряд 5-й). В нейтральных к функциональному размежеванию литературного языка рядах (1-го типа) взаимодействуют общелитературное средство с общелитературным.

4. По характеру соотносительности членов ряда ряды бывают соотносительными (вариативными) и синонимическими. Эта сторона организации рядов, включающая элемент значения, исследована полнее других. Собственно, все разногласия между исследователями прежде всего касаются вопроса о том, при какой степени совпадения конструктивных элементов,

⁵ Д. Н. Шмелеву принадлежит мысль о том, что внутристилевая синонимия богаче межстилевой и что неверно было бы считать межстилевую синонимию ведущей. Препятствуют этому стилистические возможности языковых средств. «Наблюдения над стилистической дифференциацией языковых средств, — пишет Д. Н. Шмелев, — делают все более очевидным, что представление о межстилевых модификациях при выражении того же содержания не соответствует языковой реальности» [21, с. 88, примеч.]. Та же мысль звучит у Т. Г. Винокур, на которую ссылается Д. Н. Шмелев: «Было бы весьма заманчиво попытаться построить.. межстилевую парадигматику, усмотреть в ней строгую системность, по законам которой те или иные экспрессивные ряды распределяются по тем или иным функциональным сферам. В то же время хорошо известно, что подобные межстилевые ряды выстраиваются не без препятствий, они прерывисты, в них есть лакуны... Ясно, что такой стилистической синонимией... нельзя обойтись при желании создать по возможности строгую стилистическую классификацию элементов языка. Она недостаточна ни для экспрессивных градаций, ни, тем более, для функциональных, так как не может служить универсальным показателем принципов языковой организации функционально-стилистических подсистем языка» [22, с. 55—56]. Звучащая здесь негативная оценка задачи изучения межстилевой синонимии может быть смягчена двумя обстоятельствами — необходимостью создать типологию самой прерывистости, лагун и принципиальной возможностью отвлекаться при построении межстилевой парадигматики от экспрессивно-стилистических значений, того плана языка, который по традиции именуется «стилистическим» (в отличие от «стилевого»).

значений и лексического наполнения ряды могут считаться синонимическими и следует ли считать синонимами варьирующиеся части конструкций или целые конструкции. Г. А. Золотова считает синонимичными конструкции, однородные с точки зрения структурно-смысловой и функциональной, но различающиеся семантическими оттенками (в пределах общего значения) и стилистической окраской [15, с. 180]. Н. Ю. Шведова дает такое определение синтаксического ряда: «... синтаксический ряд — это существующий на определенном этапе развития языка набор структур, находящихся между собой в отношениях взаимозамещения, или, что то же самое, функционально-смысловой соотносительности» [14, с. 209]. При этом вариативный ряд понимается как ряд более узкий — в нем участвуют варианты модели. И. И. Ковтунова полагает, что «в основе о б щ н о с т и, позволяющей отнести ряд конструкций к синтаксическим синонимам, лежит общность грамматического значения», а «в основе р а з л и ч и й между синонимами внутри каждого синонимического ряда лежат различия в оттенках грамматического значения, а также различия стилистического порядка», причем «в каждый синонимический ряд входят конструкции, представляющие собой полный грамматический параллелизм и различающиеся только способами выражения данного грамматического значения»; «синтаксическими синонимами следует считать законченные значащие единицы речи, а не их отдельные составные элементы» [13, с. 141—142], поскольку «оттенки грамматического значения могут быть связаны с самыми различными элементами, входящими в структуру какой-либо синтаксической единицы» [13, с. 127]. Ю. М. Скребнев пишет о «неправомерности трактовки синонимии как множественности способов выражения якобы тождественного значения» [23]. Степень вариативности значения является важным признаком конструкции, несомненно, участвующим в типологии варьирования. Н. М. Лариохина справедливо считает, что синтаксическая система функциональной разновидности создается отбором языковых средств в их значениях, лексико-морфологическим составом и частотностью употребления средства [12, с. 10]. Видимо, недостаточное внимание к стилистико-семантическому плану при возможных попытках конструирования межстилевого варьирования побудило Д. Н. Шмелева и Т. Г. Винокур скептически отнестись к самой идее построения такой парадигмы.

Приведенные нами и многие подобные примеры, конечно, очень различны со стороны соотносительности значений членов ряда. Мы намеренно позволили себе на предшествующем этапе конструирования рядов временно отвлечься от семантического момента и подключаем его лишь на данном этапе. В языке функционирует именно языковое средство в конкретном наборе его значений, а не значение в обличии разных средств. Поэтому наметить функциональную дифференциацию литературного языка по формально-языковым показателям можно, только идя по пути от средства к значению, а не наоборот. Подключение же значения как различительного признака не поколеблет, но лишь уточнит созданную таким путем типологию, покажет способы вхождения в системные отношения с другими явлениями (по В. В. Виноградову).

При учете этого признака вступают в силу многие нерешенные или не до конца решенные теоретические вопросы. Предстоит выяснить, в каких отношениях находятся между собой разные ступени семантического сближения — соответствие и структурно-семантический вариант, трансформ и синоним, синоним и дублет, и какие типы рядов возникают при этом. Видимо, все возникающие ряды соотносительны, но не все синонимичны. Что касается их вариативности, то мы склонны ее усматривать при любом типе соотносительности, хотя возможно и более узкое понимание вариативности. В. В. Виноградов писал: «...развитой литературный язык представляет собой сложную систему стилей, обладающих разными средствами выражения — соотносительными и нередко синонимическими» [24]. Устанавливая причину того, почему межстилевая синонимия несравненно беднее внутрителиевой, Т. Г. Винокур формулирует ее так: *«стилистические коннотации сдвигают смысл»* [22, с. 60]. «Подсистемные

функционально-языковые объединения» в связи с их содержательными ограничениями характеризуются «избирательностью с точки зрения объема и принципов смысловой структуры» [22, с. 59]. Все это мешает возникновению точной синонимии, но не мешает возникновению соотносительности членов ряда как неперемногого условия существования и функционирования развитого литературного языка, узус которого всегда характеризуется некоторым списком излюбленных вариативных соответствий. Внутрстилевая системность не препятствует установлению таких отношений.

Показателен в этом смысле устно-разговорный синтаксис в интерпретации Е. Н. Ширяева. Его системная организация, позволяющая Е. Н. Ширяеву выделить два принципиально различных класса высказываний — конситуативных и полипредикативных, — не препятствует соотносительности обоих классов с общелитературными высказываниями. Соотносительность эта различна — конситуативные соотносятся с теми, в которых вербально восполняется недостающий элемент смысла, полипредикативные в силу недифференцированности значения с несколькими конструкциями с дифференцированным значением, — но она есть. Осложняется она тем, что полипредикативность и конситуативность высказывания могут совмещаться. Здесь уместно вспомнить замечание Н. Ю. Шведовой о грамматической норме: эта норма характеризуется воспроизводимостью явления и вхождением его в системные отношения с другими явлениями [14, с. 211]. В функционально дифференцированном литературном языке эти системные отношения осуществляются в виде парадигматических и соотносительных рядов наряду с другими типами отношений.

Предстоит выявить такие ряды и квалифицировать их члены со стороны их семантики и функционально-стилевой принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ляпидевская Н. С.* Особенности функционирования сложноподчиненных предложений со значением цели действия в публицистическом и научном стилях. — Русский язык за рубежом, 1979, № 4.
2. *Костомаров В. Г.* Вопросы культуры речи в подготовке преподавателей-русистов — В кн.: Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения: Доклады советской делегации на IV конгрессе МАПРЯЛ. М., 1979, с. 18.
3. *Лаптева О. А.* Нормативность некодифицированной литературной речи. — В кн.: Синтаксис и норма. М., 1974.
4. *Лаптева О. А.* Гомофункциональные ряды — принцип системности русского некодифицированного устно-разговорного синтаксиса. — ВЯ, 1973, № 5.
5. *Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
6. *Koženíková Kv.* Některé vztahy obsahové a výrazové výstavby v nepřipraveném mluveném projevu. — Slavica Pragensia X. Acta Universitatis Carolinae. Philologica. 1—3. Praha, 1968.
7. *Лаптева О. А.* О грамматике устного высказывания. — ВЯ, 1980, № 2.
8. *Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
9. *Ширяев Е. Н.* Синтаксис. — В кн.: *Земская Е. А., Кимайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
10. *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, с. 322 и др.
11. *Лаптева О. А.* О некоторых синтаксических тенденциях в стиле современной научной прозы. — В кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966, с. 191 и др.
12. *Лариохина Н. М.* Вопросы синтаксиса научного стиля речи (Анализ некоторых структур простого предложения). М., 1979.
13. *Ковтунова И. И.* О синтаксической синонимике. — В кн.: Вопросы культуры речи. I. М., 1955.
14. *Шведова Н. Ю.* О понятии синтаксического ряда. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятилетию академика Н. И. Конрада. М., 1967.
15. *Золотова Г. А.* Синтаксическая синонимия и культура речи. — В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
16. *Шендельс Е. И.* Синтаксические варианты. — ФН, 1961, № 1.
17. *Власова Н. С.* Предложно-падежные сочетания и придаточные предложения как

члены вариативного синтаксического ряда: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1973.

18. Лаптева О. А. О влиянии функционального расслоения литературного языка на его грамматику.— В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976.
19. Кручинина И. Н. Конструкции с местоимением *который* в современном русском языке.— ВЯ, 1968, № 2.
20. Кожеевникова Кв. Принципы построения коммуникатов разговорной речи как проблема лингвистического описания и проблема преподавания.— В кн.: Bulletin ruského jazyka a literatury, 1974, XVIII.
21. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М., 1977.
22. Винокур Т. Г. Синонимия в функционально-стилистическом аспекте.— ВЯ, 1975, № 5.
23. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975, с. 47.
24. Виноградов В. В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания.— ВЯ, 1964, № 3, с. 5.